

БЕРМУС Александр Григорьевич, доктор педагогических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой образования и педагогических наук Академии психологии и педагогики ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону

КАК НАУЧИТЬСЯ ПОЗНАВАТЬ СЕБЯ ЧЕРЕЗ ЧТЕНИЕ?

В статье рассматривается вопрос о решении проблем самопознания в разные исторические эпохи; определяется обращение к тексту как ключевому условию самопознания; обозначаются объект и цель самопознания с точки зрения современной философской психологи; представлены реализованные проекты чтения – самопознания..

Ключевые слова: нсамопознание, самосознание, психоанализ, феноменология, экзистенциализм, коннотации.

The article deals with the question of solving the problems of self-knowledge in different historical eras; defines the reference to the text as a key condition of self-knowledge; identifies the object and purpose of self-knowledge from the point of view of modern philosophical psychologist; presents the implemented projects of reading-self-knowledge.

Key words: self-knowledge, self-consciousness, psychoanalysis, phenomenology, existentialism, connotations.

Проблема самопознания (как, впрочем, и любая другая идея в современном мире), связана, в первую очередь, с вопрошанием о своей ценности. Действительно, почему, в какой связи и зачем человек в определенную пору своей индивидуальной жизни или развития родовой общности, вдруг задает вопросы: «Кто я?»; «Что я?»; «Зачем я?». Более того, лозунг, сформулированный около трех тысяч лет тому назад «Познай самого себя», оказывается, в определенном отношении, кодом доступа ко всей философской традиции.

При этом даже с приходом христианства, во многих отношениях порвавшем с классической эпохой, самопознание в форме «исповеди» остается важнейшим элементом новой религиозной культуры.

В то же время следует отдавать себе отчет в том, что нынешние представления о самопознании, в большей степени, связаны с эпохой модернизации, начавшейся примерно в середине XIX века. В этом контексте идеи самопознания тесно переплетены со множеством других не менее значимых идей: эмансипации человеческой личности от любого рода религиозных, классовых и этнических предрассудков, формированием универсального рынка рабочей силы; культом индивидуального успеха и конкуренции между индивидуумами, ценностью самостоятельного выбора жизненного пути, демократическим устройством государства и т.д.

Огромный импульс развитию самопознания придает появление в начале XX века трех значительных философских традиций: пси-

хоанализа, феноменологии и экзистенциализма. Безусловно, подробная характеристика влияния каждой из этих традиций на самопознание может быть темой целого исследования, поэтому мы ограничимся лишь самыми общими и поверхностными замечаниями.

Если брать в максимально общем значении, психоанализ меняет фундаментальную точку зрения на человека: вместо индивидуума как целостного носителя сознания, возникает расколотый субъект, сущностные (бессознательные сексуальные) процессы которого всегда замаскированы некоторыми приемлемыми для общества интерпретациями (сверхсознание), однако их столкновение порождает постоянный конфликт (невроз). Соответственно, от последовательного расширения сферы знания и сознания психоанализ переходит к анализу тех внутриличностных конфликтов, которые блокируют или придают самопознанию фантомный характер.

Феноменологическая традиция лишает сексуальные или властные мотивы монополии на владение бессознательным, но рассматривает поле сознания как самонаполняющийся архив «неподлинного», который затемняет непосредственное восприятие мира. Соответственно, основной идеей становится «заклучение мира в скобки», расчистка поля сознания от любого рода фантомов и открытие внутри каждого акта некоторого «трансцендентального единства».

Наконец, экзистенциальная традиция обращается к широкому спектру переживаемых человеком духовных состояний бытия, задан-

ных его одиночеством перед лицом Судьбы и Мира, и в этой связи, необходимости преобразования его бытия через обращение к этим терминальным и абсолютным ценностям существования.

Таким образом, каждая из интеллектуальных традиций XX века привносит в процесс самопознания конфликтность, реактивность, противоречивость и неоднозначность.

Современная философская психология (Джертлер, Б. Самопознание // Стэнфордская энциклопедия философии (версия весны 2011 года) / Ред. Эдвард Н. Залта. Пер. с англ. Д.В. Чирва. URL=<<http://philosophy.3-core.ru/samopoznanie/>>) акцентирует внимание на следующих аспектах:

объектом самопознания оказываются собственное мышление и знания человека (его «ментальные состояния»), то есть знание о познающем;

– самопознание осуществляется посредством специального метода (инстропспекция);

– основной целью самопознания является самоуправление и достижение успеха и счастья в жизни;

– основным критерием точности и верности является некоторое внутреннее ощущение «подлинности».

Между тем, во второй половине XX века, возникает совершенно новая система идей, называемая «постмодернизмом», в контексте которой идея самопознания и самосознания теряет определенность и привлекательность. Напротив, здесь распространяются идеи «смерти человека», представляющие любые человеческие способности, в том числе, и способность к самопознанию в качестве некоторых результатов игры анонимных сил, в связи с чем, любое познание есть лишь фантом. Соответственно, единственно осмысленным, но никогда не завершаемым занятием философа оказывается разоблачение тех внеинтеллектуальных (властных или сексуальных) амбиций, которые проявляются как процесс и результат самопознания.

Диалектическим дополнением идеям постмодернизма, акцентирующим «вариативность» и «условность» любых утверждений и констатаций, составляет религиозный ренессанс, развертывающийся в том же самом времени и пространстве. При этом главенствующим смыслом этого ренессанса становится возобновление подлинности духовной жизни, которая была утрачена множественными на-

слоениями модерна. В каком-то смысле традиция и модерн меняются своими местами: если для предшествующей эпохи самопознание означало освобождение от разного рода мифологических и религиозных конструкций и становление свободной автономной критически мыслящей личности, – для сегодняшнего мира самопознание, в большей степени, означает преодоление отчуждения от религиозных традиций прошлого и опознание себя в духовном контексте.

Последнее утверждение требует качественного изменения горизонта самой сущности самопознания. Одним из ключевых условий самопознания оказывается обращение к тексту (даже, точнее, к Тексту, под которым понимается религиозно-практическая традиция, взятая в своем текстуальном воплощении). Соответственно, самопознание сопрягается с опознанием себя как «другого» или «чужого» по отношению к этой традиции; последовательным восстановлением смысловых и религиозных контекстов написанного вплоть до переживания своей «подлинной» самости – в духовном контексте «иного мира» по отношению к своему непосредственному физическому бытию. Мы вполне отдаем себе отчет в том, что эти идеи звучат достаточно абстрактно и условно, поэтому для прояснения их смысла, представим несколько проектов чтения – самопознания, которые были реализованы в течение последних лет.

Первым проектом, о котором бы хотелось рассказать, является лекция «Конкурс Евровидения как пространство диалога культур и традиций». Суть этого проекта достаточно проста: ежегодный конкурс песни «Евровидение» до сих пор осмысливается как преимущественно коммерческое событие в мире эстрады, и практически не стал еще объектом культурологической рефлексии. Между тем, тексты звучащих там песен могут быть осмыслены как важные формы и средства презентации европейских культурных традиций в их взаимосвязи и взаимовлиянии.

Нами была проделана следующая работа: мы проанализировали некоторые из наиболее популярных выступлений 2010 – 2014 годов, которые вызвали значительный интерес слушателей во многих европейских странах. При этом к каждой песне был найден соответствующий «параллельный» текст, известный в отечественной культуре и обладающий вполне определенным ценностным потен-

циалом. Так, например, песня, представлявшая в 2010 году Армению «The Apricot Stone» (Абрикосовая косточка) была сопоставлена с широко известной песней Булата Окуджавы «Виноградную косточку в теплую землю зарою». Другой парой текстов оказались текст эстонской песни «Randajad» (Путники) и текст стихотворения И.Бродского «Пилигримы». Таким образом, актуализировались как общие, так и частные, специфические смыслы, сопряжённые с каждым текстом, что позволяло выделить как отдельные смысловые коннотации национальных традиций, так и общеевропейские значения. (<https://www.youtube.com/watch?v=1ThQNh6Fpp0>)

Другой проект «Мышление и речь в поэзии XX века» был ориентирован на реконструкцию истории прошедшего столетия через реконструкцию отношений между мыслью и словом, зафиксированную в поэтических текстах. Соответственно, разные десятилетия (эпохи) представляли не только и не столько с позиций их «объективного» событийного наполнения, но с точки зрения тех трансформаций, которые происходят между мыслью и словом. Так, например, произошедший в 10-ые годы слом отечественной культуры и истории, с наибольшей полнотой воплотившийся в Революции и Гражданской войне, становится наиболее понятным и очевидным при сопоставлении двух текстов, принадлежащих перу О.Мандельштама: текст «Silentium» (1910) и «Ласточка» (1920). При внимательном чтении этих текстов обнаруживается раскол: в той мере, в которой первый текст представляет собой растворение слова в некотором всеобщем гармоничном единстве, даруемом Тишиной, второй текст – наполнен симптомами разрушений во всем комплексе отношений между мыслью и словом: «Я слово позабыл, что я хотел сказать; и мысль бесплотная в чертог теней вернется...»

Не менее интересны превращения слова и речи в 20 – 50 ые годы: когда попытки сохранения преемственности с дореволюционной традицией «живого слова» (К.Бальмонт) сталкиваются с озлоблением и ожесточением слова-мысли (В.В.Маяковский), а затем всё это сменяется попытками обнаружения некоторого нового органического синтеза (Б.Пастернак и Н.Заболоцкий) и завершается катастрофой Второй Мировой войны.

Отношения мысли и слова во второй половине 20 века менее драматичны, но пронизаны постоянной тоской по подлинности и ощущением лживости и превратности слова, его искаженности, фундаментальной неискренности, которая ведет к молчанию и опустошению.

Наконец, еще одним, возможно, самым трудным и важным проектом, является опыт чтения одного из самых популярных текстов в мировой литературе последнего столетия – сказки А. де Сент-Экзюпери «Маленький Принц». Действительно, кажется довольно странным, что маленькая книга, написанная не очень популярным писателем практически накануне своей гибели в разгар Второй Мировой войны, в течение короткого времени была переведена почти на 200 языков (и в этом качестве почти не уступает Библии) и, более того, стала некоторым обобщенным символом этого века.

Нам показалось важным понять, что скрывается за этой совершенно невообразимой популярностью этой книги, и ответ был найден: ключом к пониманию сюжета и языка этой книги являются отнюдь не только события жизни автора и даже события мировой истории 20 века. Текст книги существует на фоне и в контексте мощных временных пластов, включающих Библейскую традицию, как таковую. Именно из этой перспективы – понимания «Маленького Принца» как одной из завершающих книг Библейского канона, имеющей вполне определенный пророческий смысл, становится понятным не только ее нынешнее значение в культуре, но и открываемое послание миру накануне трудных испытаний века XXI (полный текст комментария размещен по адресу: <http://berkovich-zametki.com/2012/Starina/Nomer4/Bermus1.php>)

В целом, следует отметить, что каждый из опытов прочтения успешен в той мере, в которой открывает перед читателем некоторую новую смысловую перспективу, внутри которой его жизнь и исторические обстоятельства приобретают иной смысл. И в этом отношении, чтение обретает смысл сотворчества и сопричастия духовной истории мира, то есть становится полноценным условием продолжения культуры и самой жизни.